

УДК 811.511.131'27

Карпова Людмила Леонидовна
г. Ижевск, УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН
karpovalud@rambler.ru

О НЕКОТОРЫХ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ВЕРХНЕЧЕПЕЦКИХ ГОВОРОВ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье анализируются специфические фонетические явления говоров верхнечепецкого диалекта в контексте других диалектных макросистем северного наречия удмуртского языка. Проводится последовательное сравнение языковых фактов указанных говоров со сходными явлениями других удмуртских диалектов.

Ключевые слова: удмуртский язык, северные диалекты, верхнечепецкие говоры, фонетические особенности.

До настоящего времени в лингвистической литературе не нашли достаточного освещения севернoudмуртские говоры, занимающие крайнюю северо-восточную территорию удмуртского языкового континуума. В удмуртской диалектологии их принято называть верхнечепецкими говорами (или верхнечепецким диалектом). В административном отношении верхнечепецкий диалект охватывает Кезский, Дебёсский р-ны, также северо-восточную часть Игринского р-на Удмуртской Республики. По ряду особенностей в пределах верхнечепецкого диалекта выделяются три говора: кез-

ский, дебёсский и зуринский. Формирование языка носителей верхнечепецкого диалекта шло в течение ряда веков в условиях постоянного переселения на территорию его распространения удмуртов из различных регионов, в частности, с нижней и средней Чепцы, Кильмези, из южной Удмуртии и Арской земли (Атаманов 2005: 47, 49–52). Данный фактор оказал определённое влияние на языковую специфику удмуртов этого ареала, в языке которых, наряду с общими севернoudмуртскими чертами, развились свои «местные» черты.

Предметом настоящего исследования является анализ отличительных фонетических признаков говоров верхнечепецкого диалекта в контексте других макросистем севернoudмуртского наречия – среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов. Эмпирическую базу исследования составили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в районы проживания верхнечепецких удмуртов.

Рассмотрим фонетические явления, отличающие исследуемые говоры от других севернoudмуртских диалектов.

1. Вокализм верхнечепецких говоров представлен семью гласными: *a, o, y, u, э, ё, ы*. Первые шесть фонем артикуляционно и акустически не отличаются во всех севернoudмуртских диалектах. Отличие составляет лишь фонема *ы*. В верхнечепецком диалекте она функционирует в одном варианте – *ы*. В отличие от этого, в среднечепецком диалекте данная фонема выступает в трех произносительных вариантах: *ы* – гласный среднего подъёма верхнего ряда, *ь* – гласный среднего (средне-нижнего) подъёма заднего ряда, *ÿ* – гласный верхне-среднего подъёма средне-заднего ряда. Некоторые примеры: вч. *кыл*, сч.: юк., кож. *къл*, яр. *кыл*, пон. *къл* (*кыл*, *кÿл*), нч. *кыл* ‘язык’; вч. *ужаны*, сч.: юк., кож. *ужань*, яр. *ужаны*, пон. *ужань* (*ужаны*, *ужанÿ*), нч. *ужаны* ‘работать’; вч. *пыд*, сч.: юк., кож. *пъд*, яр. *пыд*, пон. *пъд* (*пыд*, *пÿд*), нч. *пыд* ‘нога’.

2. Особенностью верхнечепецких говоров в системе северных диалектов является отсутствие в их консонантной системе общепермского анлаутного согласного *ÿ* перед гласным *a*. Спорадически данный согласный встречается лишь в гыинском кусте кезского говора, территориально смежном со среднечепецким диалектом, в котором он достаточно активно функционирует.

Некоторые примеры: кез., деб., зур. *вамэн*, гыин. *вамэн* ~ *уамэн* 'через; поперёк'; кез., деб., зур. *вал'эс*, гыин. *вал'эс* ~ *уал'эс* 'постель'; кез., деб., зур. *вашкала*, гыин. *вашкала* ~ *уашкала* 'древний, старинный; первобытный'.

Широкое распространение билабиальный *ʋ*, помимо среднечепецкого диалекта, имеет в нижнечепецком диалекте (Карпова 2016: 23). Следует указать, что в большинстве удмуртских говоров общепермский *ʋ*- заместился согласным *в*-, сохранившись лишь в отдельных северных, периферийно-южных говорах, также в бесермянском наречии (Кельмаков 1998: 85).

3. Для среднечепецкого и нижнечепецкого севернудмуртских диалектов характерным является палатализация согласного *т* перед переднерядным *и*. Данное явление наиболее последовательно происходит в показателе пролатива, в суффиксе *-эти* порядковых числительных, также в некоторых наречиях и наречных словах. В отличие от этого, в говорах верхнечепецкого ареала в вышеотмеченных категориях слов не наблюдается палатализация согласного *т* перед гласным *и*, например: вч. *бакчати* (сч., нч. *бакчат'и*) 'по огороду'; вч. *с'из'ымэ·ти* (сч., нч. *с'из'ымэ·т'и*) 'седьмой', вч. *тати* ~ *тат* (сч., нч. *тат'и*) 'здесь; по этому месту'.

Отметим, что смягчение *т* в указанных позициях имеет широкое распространение в бесермянском наречии (Тепляшина 1970: 79–81, 165), отчасти встречается и в говорах собственно южного диалекта (Кельмаков 1977: 38–39). В среднечепецком и нижнечепецком диалектах палатализация *т* в указанных позициях, по нашему мнению, получила развитие под влиянием языка бесермян (Карпова 2020: 147).

4. Некоторая специфика верхнечепецких говоров в севернудмуртском диалектном пространстве обнаруживается в явлении выпадения гласных. В описываемых говорах выпадение гласных наблюдается в нескольких позициях:

а) в середине слова:

1) выпадение конечного гласного основы *-ы* глаголов I спряжения перед суффиксом инфинитива при условии, если в основе глагола не наличествует сочетание согласных перед *ы*: вч. *курны* (< *куруны*) 'просить, попросить; требовать'; вч. *кылны* (< *кылыны*)

‘слышать, услышать’; вч. *вурны* (< *вурьны*) ‘шить, сшить; зашить; подшить’; вч. *йуны* (< *йуьны*) ‘выпить, пить’. Данное явление не совсем свойственно среднечепецкому и нижнечепецкому диалектам, но имеет широкое распространение в других удмуртских диалектах, в частности, срединных говорах (Тепляшина 1973: 200; Загуляева 1981: 103–125) и отдельных южноудмуртских диалектах;

2) в дебёсском и кезском говорах верхнечепецкого диалекта выпадение конечного гласного а основы существительного перед падежным показателем в инессиве, элативе, эгрессиве: кез., деб. *т'урмын* (< *т'урмаьн*) ‘в тюрьме’; кез., деб. *конторын* (< *контораьн*) ‘в конторе’; кез., деб. *войныс'* (< *войнаьс'*) ‘с войны’; кез., деб. *школыс'эн* (< *школаьс'эн*) ‘от школы; из школы’. В зуринском говоре верхнечепецкого диалекта указанное явление не отмечается. В нижнечепецком и среднечепецком диалектах, как и в остальных удмуртских говорах, в данной позиции а сохраняется (Карпова 2020: 115);

б) в абсолютном конце слова:

1) выпадение гласного *ы* в суффиксе показателя инфинитива: вч. *кошкын* (< *кошкыны*) ‘уйти’; вч. *мис'тас'кын* (< *мис'тас'кыны*) ‘стирать’; вч. *мад'ын* (< *мад'ыны*) ‘рассказывать’; вч. *турнан* (< *турнаны*) ‘косить’; вч. *пылас'кын* (< *пылас'кыны*) ‘мытья, умываться; купаться’. По нашим наблюдениям, выпадение гласного в суффиксе инфинитива чаще происходит тогда, когда инфинитив выступает в составе составного сказуемого. Данное явление не свойственно другим северноудмуртским диалектам и является спецификой верхнечепецких говоров. Следует отметить, что в суффиксе инфинитива глаголов I спряжения гласный *ы* выпадает в том случае, если перед конечным гласным *ы* глагольной основы наблюдается стечение согласных: вч. *вэтлын* (< *вэтлы-ны*) ‘ходить’; вч. *вордын* (< *ворды-ны*) ‘воспитывать’; вч. *ватскын* (< *ватскы-ны*) ‘спрятаться’; вч. *йётскын* (< *йётскы-ны*) ‘задеть, дотронуться’. В других случаях, т. е. когда перед суффиксом инфинитива нет предшествующего стечения согласных, синкопирует этимологический гласный *ы* глагольной основы. Таким образом, в верхнечепецких говорах выпадение *ы* в суффиксе инфинитива глаголов I спряжения представляет собой коррелят выпадению *ы* в инлауте

перед суффиксом *-ны*. Аналогичное явление систематически отмечается в сопредельных средневосточных говорах (Воронцов 1997: 16), также оно встречается и в некоторых южных говорах, в частности, в кырыкмасских (Кельмаков 1978: 66–73), граховских (Атаманов 1981: 52–53). В бесермянском наречии наблюдается употребление обеих форм (Люкина 2016: 41). Выпадение конечного гласного *ы* в суффиксе инфинитива *-ны* представляет собой результат редукции конечного гласного слова в потоке речи. Следует отметить, что в нижнечепецком и среднечепецком северноудмуртских диалектах, как и во многих удмуртских диалектах, *ы* в описываемом положении сохраняется.

5. В ареале верхнечепецкого диалекта, в большей степени в кезском говоре и незначительно в дебесском говоре, зафиксировано явление лабиальной ассимиляции, когда гласный *ы* в непервых слогах под влиянием гласного *у* предыдущего слога переходит в *у*, напр.: кез. деб. *пуну* (< *пуны*) ‘собака’; кез. деб. *турун* (< *турын*) ‘трава; сено’; кез. деб. *пужум* (< *пужым*) ‘сосна’. Указанное явление в основном обнаруживается в речи пожилого населения.

Случаи подобного выравнивания гласных имеют место также в бесермянском наречии (Люкина 2016: 44). Явление лабиализации наблюдается и в ряде коми-зырянских (Баталова 1982: 35; Попова, Сажина 2014: 29–32) и коми-пермяцких диалектов (Баталова 1975: 77–80).

6. Для говоров верхнечепецкого диалекта характерна регрессивная ассимиляция гласных перед аффиксами инструменталя, иллатива, когда гласные основы *о*, *а* под влиянием последующего гласного уподобляются последнему: вч. *коркээн* (< *корка(й)эн*) ‘домом’; *т'ат'ээн* (< *т'ат'а(й)эн*) ‘с отцом’; *ул'чээ* (< *ул'ча(й)э*) ‘на улицу’. Довольно часто наблюдается также дальнейшее стяжение двух уподобившихся гласных: вч. *кунэн* (< *кунээн* < *куно(й)эн*) ‘гостем’; вч. *вукэ* (< *вукээ* < *вуко(й)э*) ‘на мельницу’; вч. *коркэ* (< *коркээ* < *корка(й)э*) ‘в дом’.

По характеру проявления этой особенности верхнечепецкие говоры обнаруживают сходство с соседними средневосточными говорами (Бушмакин 1971: 167).

Таковы в целом дифференциальные черты верхнечепецкого диалекта в области фонетики в сравнении с другими северноуд-

муртскими диалектами. Наличие комплекса специфических черт в указанном диалекте обусловлено, прежде всего, этногенетическими и миграционными процессами, происходившими в верхне-чепецком регионе. Как было отмечено ранее, формирование языка носителей верхнечепецкого диалекта шло в течение ряда веков в условиях постоянного переселения на территорию его распространения удмуртов из различных регионов. Сочетание внутренних и внешних факторов развития диалектных микросистем описываемого ареала способствовало нейтрализации и выравниванию некоторых языковых особенностей и возникновению отличительных черт на различных языковых уровнях, в том числе и на фонетическом.

Сокращения

Удмуртские диалекты и говоры: вч. – верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; гл. – глазовский говор среднечепецкого диалекта; гын. – гынский куст кезского говора верхнечепецкого диалекта; деб. – дебёсский говор верхнечепецкого диалекта; зур. – зурицкий говор верхнечепецкого диалекта; кез. – кезский говор верхнечепецкого диалекта; кож. – кожильский подговор глазовского говора среднечепецкого диалекта; кос. – косинский говор нижнечепецкого диалекта; нч. – нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; пон. – понинский подговор глазовского говора среднечепецкого диалекта; сл. – слободской говор нижнечепецкого диалекта; сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; юк. – юкаменский говор среднечепецкого диалекта; яр. – ярский говор среднечепецкого диалекта.

Литература и источники

Атаманов М.Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. – Ижевск, 1981. – С. 45–96.

Атаманов М.Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 216 с.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. – Москва: Наука, 1975. – 252 с.

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). – Москва: Наука, 1982. – 168 с.

Бушмакин С.К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971. 397 + [Приложение] 350 с. (Библиотечно-архивный фонд УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Д. 6496).

Воронцов П.И. Явления выпадения фонемы ы в удмуртских диалектах // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии. – Ижевск, 1997. – С. 7–22.

Загуляева Б.Ш. Прикильмезские говоры // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. – Ижевск, 1981. – С. 103–125.

Карпова Л.Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. – Ижевск: МарШак, 2020. – 563 с.

Кельмаков В.К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии. – Ижевск, 1977. – С. 26–61.

Кельмаков В.К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия II // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. – Ижевск, 1978. – С. 65–85.

Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография: учеб. пособие для вузов. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.

Люкина Н.М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. – 200 с.

Попова Р.П., Сажина С.А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. – 272 с.

Тепляшина Т.И. Язык бесермян. – Москва: Наука, 1970. – 288 с.

Тепляшина Т.И. Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания. – Ижевск, 1973. – Вып. 2. – С. 196–223.